

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще студентом Института стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ после третьего курса мне довелось поехать в Пхеньян, столицу КНДР, на полугодовую языковую практику в Университете имени Ким Ир Сена. Взахлеб занимаясь востоковедением, я осваивал корейский язык, культуру, этнографию Кореи. Эта поездка стала моим первым соприкосновением с зарубежной Азией.

Став после окончания института журналистом, по действовавшей тогда системе распределения осенью 1987 года был направлен в Северную Корею корреспондентом агентства новостей ТАСС.

После четырех первых лет работы в Пхеньяне мне выпала возможность открывать корпункт в Южной Корее вслед за установлением отношений СССР с этой закрытой для нас ранее страной. Так я стал первым советским журналистом, обосновавшимся в Сеуле. Проведя три года в Южной Корее, я вновь был на какое-то время направлен в КНДР, где пробыл еще год с небольшим.

Таким образом, в Пхеньяне мне довелось жить и работать в общей сложности более пяти лет, как при первом президенте КНДР Ким Ир Сене, так и при его сыне и преемнике Ким Чен Ире, что позволило лучше понять, что общего у Северной Кореи с Южной и чем они не похожи.

Побывать в КНДР удалось почти везде, преодолевая многие километры автомобильных и железных дорог, карабкаясь в горы, беседуя с людьми, посещая заводы и школы, наблюдая за жизнью простых людей.

Увиденное и услышанное я записывал в дневник, насколько хватало времени и сил после ежедневной работы — прочесывания газет и журналов, переводов важных статей, передачи новостей о стране, изучению которой посвятил фактически всю жизнь, даже когда находился за пределами Кореи.

Мои дневники и заметки легли в основу этой книги, в которой я надеюсь максимально подробно описать жизнь северных корейцев с начала 80-х годов прошлого столетия. Расскажу, что я видел и слышал в их стране, которая во всем мире считается «отшельником», одной из самых закрытых в мире.

Информация о ней всегда страдала перекосом: во времена СССР было принято говорить только о позитивном опыте КНДР, а когда началась «гласность» и «перестройка», все внимание перешло на опыт Южной Кореи. До этого южнокорейская тема в отечественных публикациях была в тени, за исключением случаев репрессий против народа со стороны сеульской диктатуры и военных приготовлений против Пхеньяна.

Писать с положительной точки зрения о Северной Корее с 90-х годов стало не принято, несмотря на то что для России она продолжала оставаться дружественной страной. Демонизация северокорейской действительности в западных странах как под копирку распространялась и у нас в средствах массовой информации, отражая стереотипы о КНДР у ее противников.

В этой книге я попытался нарисовать «портрет» северокорейского государства без прикрас, но и без приуменьшения усилий и терпения жителей КНДР, человеческое общение с которыми всегда оставляет самые добрые чувства.

УНИВЕРСИТЕТ

Завершался 1982 год, в СССР подходила к концу эпоха Л. И. Брежнева. Советский студент после окончания всего лишь третьего курса отправляется за границу по линии Министерства высшего образования СССР. Предстоящие полгода кажутся необычайно долгим периодом времени для самостоятельной жизни. Вместе со всей корейской группой — а нас всего было пятеро — получаю первый в своей жизни загранпаспорт, визу в КНДР и разрешение на выезд из СССР.

Разрешение давали в ЦК Компартии в виде круглой печати в паспорте с указанием, до какого срока надлежало выехать за границу. В нашем случае это был один месяц, в течение которого можно было покинуть Советский Союз.

Незадолго до отлета в Министерстве высшего образования в Москве для нас провели инструктаж, на который также подъехали две девушки из Ленинградского государственного университета, направлявшиеся в Пхеньян. После инструктажа нам вообще расхотелось куда-либо лететь. Почему-то нам было сказано, что в КНДР, проживая в общежитии, мы не будем друг с другом видеться, фотографировать что-либо не дадут, а правила одежды предусматривают, что джинсы носить нельзя, а женщинам вообще запрещено надевать брюки — только платья и юбки.

Последнее замечание про брюки я потом многократно читал и из иностранных источников, хотя штаны традиционно представляют собой часть одежды корейнок, особенно бабушек. Да и молодежь ходила и в брюках тоже, никаких ограничений в плане одежды на самом деле (во всяком случае, для нас) не было, фотографировать вполне дозволялось, общаться друг с другом так никто и не запрещал, что бы нам тогда ни говорили во время инструктажа.

Итак, получив билеты «Аэрофлота» в Министерстве образования, через пару дней мы загрузились в забитый до отказа самолет в аэропорту Шереметьево-2 и полетели в Пхеньян. Хотя до того три года мы изучали корейский язык и культуру, историю, географию Кореи в институте, мы все же летели фактически в неизвестность, только теоретически представляя себе, что это за страна — Корейская Народно-Демократическая Республика.

Осень была в разгаре. Спустившись по трапу с самолета, долго кружившего перед посадкой в аэропорту Сунан близ Пхеньяна, я чуть было не потерял сознание от духоты и жары. Воздух звенел щебетанием цикад, очередь пассажиров выстроилась, чтобы зайти в здание аэропорта для оформления пересечения границы, и разница в климате с Москвой дала о себе знать. Солнце пекло гораздо сильнее, чем когда-либо мне приходилось к тому времени на себе испытать.

Заполнив талон прибытия и таможенную декларацию, мы прошли через паспортный контроль. Получив чемоданы, сели в специально присланный за нами автобус и поехали в Пхеньян, в общежитие для иностранцев, обучающихся в университете имени Ким Ир Сена.

Аэропорт Сунан, старый терминал

Все вокруг было покрыто зеленью, вдоль дороги шли женщины в брюках, даже не ведая, что иностранцы почему-то думают, что в КНДР это запрещено.

Дорога заняла около получаса, и мы высадились у общежития — серого четырехэтажного строения «советского» типа. На входе внутри сидел диспетчер за стеклянным окошком, справа по коридору был кабинет коменданта общежития, которого звали «товарищ Мэн». Коридор вел в столовую и магазинчик, где продавали сладости, сигареты, спиртное, включая стеклянные фляжки с французским коньяком и шотландским виски, а также какую-то одежду, стиральный порошок и разные мелочи из предметов туалета. В общежитии жило много китайских студентов и одна сплоченная группа

из полпотовской Камбоджи (полпотовцы с нами даже не здоровались), а также один приветливый монгольский студент по имени Сухэбатор. Потом подъехали наши сверстники из Восточной Германии, то есть ГДР.

Постепенно китайские студенты, учившиеся на музыкально-хореографическом факультете университета в Пхеньяне, тоже стали с нами общаться — на корейском языке, — но старались не особенно в этом светиться, так как их учителя, тоже из Китая, не одобряли контактов с советскими гражданами. Это неудивительно — тогда Китай уже вступил на путь реформ после эпохи «культурной революции», но сближения с СССР пока не произошло.

Некоторых из нас селили в одной комнате с корейскими студентами, чтобы те могли практиковаться по-русски, а заодно и присматривать за нами. Такой сосед по-корейски называется «тонсуксэн», то есть «руммейт».

Видя, как мы общаемся с китайскими сверстниками, корейцы-«тонсуксэны» на ухо шептали: «Не водитесь с китайцами!»

На вопрос: «Почему?» — они заговорщицки отвечали: «Как почему? Это же китайцы!»

Я не исключаю, что «тонсуксэны», проживавшие с китайцами, таким же образом советовали им «не водиться» с русскими...

В то же время мой «тонсуксэн» относился ко мне с уважением, время от времени я покупал ему сигареты в советском посольстве, и он тайно их курил, так как корейским студентам это открыто делать не разрешалось. Впоследствии он стал работать в туристическом

бюро с русским языком. Я узнал об этом, увидев его в аэропорту встречающим туристов десять лет спустя.

В столовой общежития кормились мы все вместе: и китайцы, и советские студенты, и немцы. Поскольку китайцев было раза в два больше всех остальных, они привезли с собой и повара, который искусно готовил, причем как китайские, так и европейские блюда. Но были еще и корейские тетушки на кухне, благодаря которым мы, студенты из СССР, впервые познакомились с кухней Кореи и привыкли к ней, прося давать нам только местные блюда.

Особенно вкусными были вареные пельмени, корейские салаты, разного рода лапша. Можно было брать добавки, если не наелся.

Питаться в столовой иностранцам довелось всем вместе, но, чтобы учиться, корейцы распределили нас по национальному признаку — студенты из СССР занимались корейским языком в группе отдельно, немцы отдельно, китайцы тоже в своих группах, но у них среди всего прочего была программа корейского музыкального искусства.

Занятия шли в одном из корпусов университета, но не в главном здании, а в новом строении. От общежития пешком было идти до него минут пять, переходя через дорогу. Учили главным образом только язык, никакой идеологии и пропаганды.

Каждую пятницу наш главный университетский преподаватель Ким Бёнму, всегда улыбающийся человек в очках, приходил в общежитие посидеть с каждым студентом, выслушать его пожелания, дать советы по корейскому языку. Как и все, я угощал его сладостями

и чаем, не возбранялось подать и чарку водки или бутылку пива.

В посольстве СССР в Пхеньяне был магазин, в котором можно было купить товары из Хабаровска и Москвы, в том числе водку и коньяк, но мы, как студенты, особо ни в чем не нуждались, поскольку все, что нужно, было в общежитии.

Стипендию советским студентам выплачивали в посольстве СССР в корейских вонгах. На бумажной банкноте достоинством в одну вону был выведен лозунг «Сесан-е пуром опсора!» — «Нечему завидовать на свете!» Он отражал идеологию идей «чучхе», которая лежит в основе жизни северных корейцев. На эти деньги мы и жили.

Недалеко от общежития в крохотной фруктовой лавке мы покупали вкуснейшие яблоки, таз таких яблок стоил три воны. Больше нигде мне не доводилось пробовать таких сладких и хрустящих яблок, как тогда в Пхеньяне.

Учитель Ким Бёнму начинал урок с разбора домашних заданий, а мы внимательно вслушивались в быстрый темп его речи и ждали оценок. По-русски учитель Ким говорил не очень хорошо, но, если чье-либо сочинение ему не нравилось, он восклицал, высоко вскинув брови: «Это писал лентяйка!»

Сказанное учителем означало, что больше, чем на четверку, рассчитывать не приходилось. А «четверка» в КНДР — самая плохая оценка.

Лучшее, что вообще можно было получить, это «девятка». «Десятки» достаивались лишь немногие, то есть те, кто знал материал, что называется, на пять с плюсом. По крайней мере, из нас никто не мог похвастать такой удачей.

Когда мы выходили на улицу, проходящие мимо школьники, непременно маршировавшие строем, останавливались, громко здоровались и, снимая шапки, кланялись. Но бывала и другая реакция — дети чуть поодаль, завидя чужеземца, со смехом кричали: «Вегукном!» — «Иностранка!» Так, с одной стороны, демонстрируя гостеприимство, дети невольно обнаруживали свое истинное отношение к чужакам, которое, впрочем, можно наблюдать и не только в Корее.

Метро было главным средством передвижения у нас, студентов, по Пхеньяну, а маршруты в основном пролегли от общежития до посольства и магазина для иностранцев. Куда-то еще ездить смысла никакого не было.

Пхеньянское метро состояло из двух пересекающихся линий. Эскалаторы уносили пассажиров глубоко под землю, видимо, поскольку в метро, как и в СССР в старые годы, станции играли роль бомбоубежищ. Вагоны поездов были короче московских, но внешне очень были похожими.

Однажды мы видели, как рядом в поезде подземки ехала уже очень пожилая бабушка в корейской одежде, но лицо у нее было совершенно русское. Мы посмотрели друг на друга, и бабушка грустно потупила взгляд. Возможно, когда-то она вышла замуж за корейца и переехала в Северную Корею навсегда.

Строевая подготовка девочек на берегу Тэдонгана